

СТИХОТВОРЕНІЯ

1845 ГОДА,

В. И. ПРОДОНСКАГО.

Одесса.

ВЪ БИБЛІОТЕКѢ ЗОЛОТОВА И ТОТТИ.

1846.

ИЗ СОБРАНИЯ
ВОРОНЦОВЫХ

12402

2, шк. 2 н. 6 А 85

СТИХОТВОРЕНІЯ 1845 ГОДА,

Я. П. ПОЛОНСКАГО.

Одесса.

Печатано въ типографіи А. Брауна.

1846.

ИЗ СОБРАНИЯ
ВОРОНЦОВЫХ

12402

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,
съ тѣмъ чтобы по отпечатаніи представлено было
въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число эк-
земпляровъ. Одесса, 17 Ноября 1845 года.

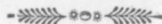
Ценсоръ К. Зеленецкій.

I.

Тѣни.

По небу синему тучки плывуть,
По лугу тѣни широко бѣгутъ;
Тѣни-ль толпой на меня налетятъ,
Дальнія горы подь солнцемъ блестятъ;
Солнце ль внезапно меня озаритъ,
Тѣнь по горамъ полосами бѣжитъ. —

Такъ на душѣ чловѣка порой
Думы, какъ тѣни проходятъ толпой;
Такъ иногда вдругъ тепло и свѣтло
Ясная мысль озаряетъ чело.

II.

Художнику.

Передъ натянутой холстиной,
Еще ничѣмъ неживленной,
Невольно мыслию единой
Мой занять умъ неугомонный.
Я жду. когда жъ, когда чудесной,
Волшебной кистью къ ней коснется

Рука твоя, спѣша небесный
Разлить огонь?.. Когда проснется
И озарится въ этой мертвой,
Бездушной рамѣ, въ два аршина
Гвоздями прибитая холстина?

Зачѣмъ на ней такъ долго взоръ твой
Остановляется неволью?
Скажи, еще-ли недовольно
Созрѣли пламенные зѣрна
Грядущихъ образовъ? еще ли
Кисть остается непокорна
Непобѣдимой, тайной волѣ,
Передъ которой такъ проворно
И такъ послушно солнце встанетъ,
Заря зайдетъ и мракъ настанетъ?

Какая-жъ мысль тебя тревожить?
Иль высказать ей не можетъ
Языкъ? Скажи: она случайно
Къ тебѣ пришла? съ тобою-ль тайно
Сама собою тихо зрѣетъ
И сердце творческое грѣетъ,

И безпокойная стремится
Въ живыя краски воплотиться. —

Хочу, художникъ вдохновенный,
Въ твои слова прилежно вникнуть,
Чтобъ разгадать, какъ могъ возникнуть
Изъ ничего соборъ вселенной. —

III.

Прощай.

Прощай!.. О, да, прощай! Мнѣ грустно...
Моихъ страданій передать
Я не могу тебѣ изустно: —
Вотъ всё-что я могу сказать. —

Мы не привыкли лицемѣрить —
Не довѣряя ничему,
Мы не хотѣли слѣпо вѣрить
Больному сердцу своему.

И въ часъ прощальнаго привѣта,
Старая пламенемъ святымъ,
Другъ другу вѣчнаго обѣта
Мы легковѣрно не дадимъ.

Быть можетъ — грустное мечтанье!
На длинномъ, жизненномъ пути,
Въ часъ равнодушнаго свиданья,
Мы вспомнимъ грустное *прости*.

Тогда мы улыбнемся оба,
Другъ другу отдадимъ поклонъ,
И вновь простимся, чтобъ до гроба
Насъ не тревожилъ счастья сонъ.

И долго та башня уныло глядитъ
Въ глухое ущелье, гдѣ вѣтеръ свиститъ —
И слушаетъ башня — и слышится ей
Веселое ржанье и топотъ коней. —
И смотритъ съдая скала въ глубину,
Гдѣ вѣтеръ качаетъ и гонитъ волну —
И видитъ въ обманчивомъ блескѣ волны
Шумятъ и мелькаютъ трофеи войны....

IV.

Развалину башни, жилище орла,
Съдая скала высоко подняла,
И вся наклонилась надъ бездной морской,
Какъ старецъ подъ ношей ему дорогой.

V.

Нищій.

Солнце свѣтитъ не высоко,
А до родины далѣко. —
Нынче въ поле съ пастухами
Ночеваль я подь стогами. —
Ночью громъ гудѣлъ изъ тучи,
Дождь пробилъ мон онучи —

— 13 —

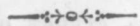
Одолѣлъ подь утро холодъ —
Черезъ лѣсъ пошелъ я въ городъ.

Слышу пономарь трезвонить. —
«Али кто кого хоронить!...»
И подь окнами собирая
Подаянье, пошелъ я
Въ Божью церковь — тамъ купилъ я
Свѣчку — сумку положилъ я
Въ ноги — къ стѣнкѣ прислонился,
Богородицѣ молился.

Скоро кончилось въ приходѣ
Водосвятъ, — на отходѣ,
Помянулъ я мать родную,
Да жену мою больную;
Что то бѣдная?.. жива-ли?
Али въ землю закопали?.....
Съ той поры, какъ мы растались,
Мы ужъ больше не видались. —

Былъ у насъ во всѣмъ излишекъ,
И не мало ребятишекъ

Даровалъ мнѣ Богъ, — большими
Чай ужъ стали!... Врядъ ли съ ними
Гдѣ я встрѣчусь! — Хоть и встрѣчу
Милыхъ дѣтокъ — незамѣчу. —
Хоть они меня и встрѣтятъ —
Горемыку не замѣтятъ.

VI.

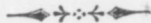
Вижу ль я, какъ во храмѣ смиренно она
Передъ образомъ Дѣвы, Царицы небесной, стоитъ —
Такъ молиться лишь можетъ Святая одна ...
И болить мое сердце, болить!

Вижу ль я, какъ на балѣ сверкаетъ она
Пожирающимъ взглядомъ, горячимъ румянцемъ
ланитъ;

Такъ надменно блеститъ лишь одинъ сатана...
И болитъ мое сердце, болитъ!

И молю я Владычицу Дѣву, скорьбя,
Ниспошли ей, Владычица Дѣва, терновый вѣнокъ;
Чтобъ её за страданья, за слёзы, любя,
Я её ненавиждѣть не могъ. —

И зову я тебя, сатана! оглуши,
Ослѣпи ты её! подари ей блестящій вѣнокъ;
Чтобъ её ненавидя всей силой души,
Я любить её больше не могъ.

VII

Вы, ленты измятыя —
Секреты любви! —
Вы, письма завѣтныя —
Тираны мои!
Вы, пряди отрѣзанныхъ
На память волосъ —

Ковыляя, кибитка по снѣгу ползеть;
Беззаботный ямщикъ, засыпая, поѣтъ —
И тихонько звенить колокольчикъ.

А по тѣмному лѣсу, одинъ за однимъ,
На дорогу, съ большими ножами,
Злая шайка воровъ, съ атаманомъ своимъ,
Пробираясь, ползѣтъ за кустами.
« Чтожь не свищетъ проклятый старикъ! » за-
ворчалъ

Атаманъ — заворчалъ, и кистень намоталъ —
Недалѣко звенить колокольчикъ.

— « Атаманъ! атаманъ! — это кто на суку
Протянувшись виситъ на веревкѣ? —
Угораздило-жь такъ умереть старику!
(Онъ былъ посланъ впередъ для сноровки.)
Эхъ, старикъ!... покачнулся мертвецъ, — языкомъ
Словно дразнить, глазами грозить, а лицомъ.
Перекривленнымъ смотреть на мѣсяцъ.
И блѣднѣя злодѣи молитву творять, —
И почудилось имъ, въ буеракѣ
Кто-то воя ползеть, чьи-то зубы скрипятъ...

Мѣсяцъ въ тучу заходитъ — во мракѣ
За кибиткой во слѣдъ громкій голосъ кричитъ:
Спасъ васъ Богъ! но ямщикъ беззаботно свиститъ
И не слышитъ — звенить колокольчикъ. —

X.

Историку.

.....
.....
.....
Откуда стремятся,
Куда возвращаются
Волны вѣковъ и событій,
Ты ринулся — гордый,
Покорный стремленью

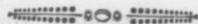
— 25 —

Свободнаго духа. —
И долго
Полный надежды и силы,
Не выпуская руля, ты носился
Изъ пристани въ пристань
По океану,
Неизмѣримой,
Неизчерпаемой жизни.
Здравствуй,
Повѣренный міра!
Послѣднія волны
Тебя принесли, и съ любовью
Ступилъ ты
На радостный берегъ отчизны..
Ахъ! не ты-ли
На вѣчныхъ развалинахъ плакалъ,
Вѣчно привѣтсвуя
Новую жизнь.
Воспоминанья тѣснятся
Въ могучую душу,
Тѣни минувшаго въ ней отражаются —
Снова для міра живутъ!..

Прости!.. Я звѣздъ ищю, — ихъ прежняго слѣда
Ищю я. — по распустьямъ ночи ясной
Я видѣлъ въ сонмѣ звѣздъ, красавица звѣзда
Текла — но видно лучъ ея потухъ въ напрасной
Борьбѣ съ туманами, которыхъ путь ненастный
По небу тянется, какъ черная гряда.

Лучи небесные, прощайте!.. Взоръ блуждаетъ. —
Гдѣ берега? — гдѣ море? — гдѣ востокъ!....
Какъ въ сумрачной степи пустынный огонекъ,
Одинъ маякъ вдали едва, едва мелькаетъ —
И свѣтится вдали, какъ огненный глазокъ.

Одинъ маякъ вдали — и нѣтъ ему затмѣнья,
И дѣла нѣтъ ему до мрачныхъ облаковъ,
Какъ будто видитъ онъ ночное приближенье
Къ нему издалека идущихъ парусовъ.
Горитъ — а на меня наводитъ утомленье
Печальный шумъ невидимыхъ валовъ. —

ХП.

Юноша и вѣкъ.

Вѣкъ.

Кто безусловно порицать,
Кто проклинать меня дерзаетъ?
Моихъ великихъ теоремъ
Кто безъ конца постигъ начало,

Кто этотъ Геній, передъ кѣмъ
Я долженъ стать безъ покрывала?
Кто такъ знакомъ съ моимъ лицомъ,
Чтобъ щеголять моимъ портретомъ,
Изобразивъ меня купцомъ,
Толпой отринутымъ поэтомъ
Или развратнымъ старикомъ. —

Юноша.

О, вы, безумныхъ юныхъ лѣтъ
Надежды, слезы, жаръ и бредъ,
Мечты мои! — въ борьбѣ напрасной
Я васъ такъ рано погубилъ, —
И ничего не поцадилъ
Во мнѣ разсудокъ безпристрастный...

Вѣкъ.

Отъ дуновенья моего
Мечты летятъ разсѣваясь. —
Дѣйствительность, разоблачаясь,
Вамъ кажется строгое чело.
Моя заря горитъ въ туманѣ —
Еще-ль глазами тяжело
Глядитъ сквозь чистое стекло!

Еще-ль невесело, въ обманѣ
Узнать обманъ, въ мечтѣ — мечту!
Надѣньте маску, лицемѣры!
Я въ неземную красоту
Лишаю васъ послѣдней вѣры.

Юноша.

Дѣйствительность! — она мрачнѣй
Необитаемой пустыни. —
Что кромѣ тѣрна и полыни,
Что я могу найти на ней?
Увы! покорный чуждой волѣ
Я совершаю переходъ....

Голосъ.]

Впередъ, впередъ!
На невоздѣланное поле,
Мой смѣлый духъ тебя зоветъ!

Юноша.

Мечты любви, прощайте!...

Вѣкъ.

Есть любовь иная,
Для той любви кумира нѣтъ. —

Она живетъ, какъ царь могучій, покоряя
Своимъ правамъ священнымъ цѣлый свѣтъ

Юноша.

Какъ странно мнѣ, что я такъ молодъ.....“

Вѣкъ.

Иль безнадежный жизни холодъ
Невыносимъ — но разведу я
Большой огонь!

И юношѣ, и старнику,

И пастуху, и господину,

И богачу, и бѣдняку,

И воину, и гражданину —

Всѣмъ будетъ мѣсто у меня

Вокругъ семейнаго огня.

За мной!

Я всё впередъ, впередъ шагаю —

Безостановочно иду —

И близорукимъ на бѣду,

Пыль подорогъ подымаю!

Юноша.

Вѣка идутъ — и вотъ одни обломки

Въ пыли растоптанныхъ гробовъ,

Гдѣ глѣлъ быть можетъ прахъ земныхъ полу-
боговъ,

Которыхъ жалкіе потомки

Пасутъ стада своихъ ословъ.....

Я также въ мірѣ чередую, —

.....
Что-бъ умереть — должны мы жить;

Зачѣмъ же не дано намъ силъ соорудить,

Для собственныхъ костей могилу вѣковую?

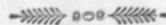
Слѣдъ бытія земнаго моего

Ни храмъ, ни надпись не означить...

Вѣкъ.

Кто надъ развалинами плачетъ,

Тотъ не построишь ничего. —

ХІІІ.

Вызовъ.

За окномъ въ тѣни мелькаетъ
Русая головка. —
Ты не спишь, мое мученье!
Ты не спишь, плутовка!

Выходи-жь ко мнѣ, не медли!

Выходи навстрѣчу —

Я ли сердцу молодому

Сердцемъ не отвѣчу!

✧

Ты не бойся если звѣзды

Слишкомъ ярко свѣтятъ,

Я плащомъ тебя одѣну,

Такъ что не замѣтятъ.

✧

Если сторожъ насъ окликнетъ,

Назовись солдатомъ;

Если спросятъ — съ кѣмъ была ты?

Отвѣчай, что съ братомъ.

✧

Подъ надзоромъ богомолки

Вѣдь тюрьма наскучитъ,

А неволи поневолѣ

Хитрости научитъ.

Въ бурю надъ моремъ.

Сверкнула молніи стрѣла; —
 Въ раскатахъ грома замеръ говоръ водопада.
 Оторвалась и медленно сползла,
 Цѣпляясь по скаламъ, волнистая громада
 На каменномъ хребтѣ висѣвшихъ облаковъ.
 Тяжелъ и душенъ воздухъ знойный
 И корабли спѣшатъ уйти отъ береговъ.

Я слышу чайки беспокойный,
 Зловѣщій крикъ; я видѣлъ — два крыла
 Мелькали въ воздухѣ, перевернулись —
 И вмгъ исчезли. Мгла
 Покрыла солнце; облака сомкнулись —
 И, разстилаясь надъ водой,
 Какъ дымъ густой,
 Помчались къ югу. Подъ скалой
 Клубится пѣна. Громъ, — и волны океана
 Свой вопль смѣшали съ воплемъ урагана.
 О Боже, дай страдальцу благодать,
 Дай силу духа мнѣ спокойно созерцать
 И отраженный блескъ полуденной лазури,
 И колебанье звѣздъ ночныхъ
 Въ водахъ, какъ зеркало спокойно разлитыхъ,
 И царственный полѣтъ неукратимой бури.
 Я, изъ числа твоихъ сыновъ послѣдній сынъ,
 Зачѣмъ пришелъ сюда печаленъ и одинъ,
 Исполненный тоски невольной,
 Упрямыхъ замысловъ и беспокойныхъ думъ, —
 Зачѣмъ? — чтобъ слушать воли свирѣпыхъ
 пирный шумъ

Иль повторять ихъ ропотъ недовольный.

Вонъ, вонъ почти въ моихъ глазахъ,
Объ камень грянулся всей грудью, и въ волнахъ
Истерзанный корабль съ пловцами погибаетъ.
Увы! сквозь бурный шумъ ко мнѣ недолетаетъ

Ни жалобы, ни стоны, ни мольбы,
Ни ихъ послѣдняго, отчаяннаго крика;
Какъ будто на всѣхъ судьбы
Ихъ смерть — потеря невелика;
Какъ будто ничего не значутъ капли слезъ!...

И вмѣсто громкаго привѣта,
Изъ устъ немѣющихъ поэта,
Какъ буря, вырывается вопросъ
Неразрѣшимый: Море, море,

Скажи, ужель погибель иль —
Пустая прихоть на просторѣ
Пирующихъ, свирѣпыхъ волнъ твоихъ,
Или само ты тяжко стонешь,
И горько плачешь всякій разъ,
Когда на мрачномъ днѣ пловцевъ своихъ хоро-
нишь
Въ неодолимый, бурный часъ!

XV.

Мраморное сердце.

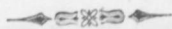
Ты назвала мое сердце
Мраморнымъ сердцемъ.
Знаешь ли,
Тайно желая меня уколоть,
Ты похвалу мнѣ сказала,
Бѣдный ребенокъ!..

Мягкое сердце
Воску подобно;
Таесть оно —
Или подъ пальцами
Рѣзвой дѣвушки,
Всякую форму способно принять.

Обыкновенно-жъ игрушку,
Куклу вы лепите
И наигравшись довольно,
Въ уголь бросаете.

Мраморъ же,
Мраморъ начто вамъ?
Мраморъ тяжёлъ и не таетъ
Мертвую глыбу
Камня одинъ лишь художникъ
Въ силахъ вполне оцѣнить.
О еслибъ только
Въ сердцѣ твоемъ загорѣлся
Вѣчно творящій
Всёсогрѣвающій,
Всёпроникающій пламень;

Милый художникъ!
Я бы невольно воскликнулъ, —
Смѣло бери свой рѣзецъ:
(Мраморъ рѣзцу лишь послушенъ)
Мраморнымъ сердцемъ владея,
Ты полу-бога себѣ извай.

XVI.

Новой сестрѣ.

Люблю, люблю тебя, моя сестра,
Тебя, въ познаніи добра
И зла испытанная Богомъ.
Какъ часто при тебѣ, я въ силахъ уповать

Что грусть души моей свята и неплодна;
Ты каждый вздохъ мой оцѣнить способна,
И на слезу слезою отвѣчать.

Понятно мнѣ твое участіе —
Руководимые единымъ Божествомъ,
Мы въ жизни розно шли; но шли однимъ
путемъ; —

Искали счастья мы — и отrekliсь отъ счастья.
Что нужды! вѣрю я, что братскій нашъ союзъ
Невозмутимо-святъ и неразрывно вѣченъ,
Не носить онъ условныхъ узъ,
Размѣномъ клятвъ не обезпеченъ.

Ты не пайдешь въ любви моей
Ни миллионной доли страсти,
Другъ друга любимъ мы, извѣданныхъ страстей
Не признавая наглои власти.

Не увлекаетъ насъ потѣшнаго огня
Коварный блескъ. — Пора тревогъ и увлеченій
На всё лишь тѣнь одну бросаетъ уходя,
Какъ туча въ зной безъ грома и дождя,

Но ты на прошлое глядишь безъ сожалѣній,
Съ полузадумчивой насмѣшкой, и спиша
Но тайный зовъ грядущаго, душа
Твоя пропикнута огнѣмъ иныхъ стремленій,

Какъ ты, я чувствую — какъ ты, могу стра-
дать —

Но если я храню холодное молчанье,
И на слова твои не въ силахъ отвѣчать; —
Знай, вызываю я утраченные годы,
Откуда ясныя, первоначальныхъ лѣтъ
Видѣнья — призраки блаженства и свободы
Мнѣ улыбаются и шлютъ нѣмой привѣтъ;

Тогда сильнѣи во мнѣ горить сокрытый пламень,
Я плачу внутренно, и вѣрю въ чудеса,
Чтобъ разрѣшить могла и камень
Незримыхъ слезъ моихъ безплодная роса.

XVII.

Взятіе Мемфиса.

На стогнахъ Мемфиса неистовые крики,
И стонъ, и громкій плачь; поруганный алтарь
Въ крови боговъ дымится. Блѣдны лки
Жрецовъ; ужасенъ мечъ Персидскаго владыки:
Въ плѣну; въ цѣпяхъ Мемфійскій царь —

Онъ смотритъ изъ окна тюрьмы, въ толпѣ рабовъ,
Распознавая дочерей несчастныхъ,

И благородныхъ женъ властительныхъ жрецовъ —
Никто не слышетъ жалобъ ихъ напрасныхъ!
И видитъ онъ — возлюбленная дочь
Его, окружена безстыдною толпою,
Рыдая, на плечѣ несётъ ведро съ водою —
Ведро тяжелое не въ мочь. —

Но царь молчитъ въ уныніи глубокомъ. —
И зорко плѣннику въ глаза
Глядитъ Камбизъ лукавымъ окомъ,
И ждётъ онъ царскихъ слезъ, чтобъ хлынули по-
токомъ;
Но ни одна его не радуется слеза.

И видитъ плѣнный царь изъ тѣснаго угла
Своей тюрьмы: двѣ тысячи, рядами,
Отборныхъ юношей, опутанныхъ цѣпами,
И взнузданныхъ въ стальные удила,
Ведутъ на злую казнь — и въ вопляхъ, заглушённыхъ
Бряцаньемъ ихъ цѣпей, онъ вопли матерей
Распознаетъ, и видитъ обреченныхъ
На жертву милыхъ сыновей;

Но царь молчитъ въ уныніи глубокомъ —
И зорко плѣннику въ глаза
Глядитъ Камбизъ лукавымъ окомъ,
И ждётъ онъ царскихъ слезъ, чтобъ хлынули
потокомъ;
И ни одна его не радуется слеза —

Но вотъ къ окну тюрьмы, съ поникшей головой,
Подходитъ старецъ, тощій, блѣдный,
Изнеможенный, съ нищенской сумой
Онъ проситъ подавнѣе — старецъ блѣдный!
На шеѣ у него желѣзное кольцо;
Къ кольцу привязана веревка роковая...
И вскрикнулъ плѣнный царь, внезапно орашая
Слезами блѣдное лице.

И плѣнника съ невольнымъ изумленьемъ
Спросилъ Камбизъ, свой грозный ликъ
Смягча минутнымъ выраженьемъ
Улыбки, смѣшанной съ какимъ то сожаленьемъ:
«Кто этотъ въ рубицѣ старикъ?» —

И пльнный царь тогда ему проговорилъ
«Въ отвѣтъ: Камбизъ! для собственныхъ несчастій
Въ душѣ я горькихъ слёзъ довольно накопилъ,
И радуюсь, что ты надъ ними власти
Имѣть неможешь; — но не о себѣ, о немъ
Я плачу. — Опъ ли заслужилъ такую долю? —
Лиша царя свободы, дай хоть волю,
Тому кто цѣлый вѣкъ служилъ ему рабомъ!»

Факирь и ключъ.

1

Въ роцѣ гдѣ смолой душистой
Каплетъ сокъ изъ-подъ коры,
Ключъ журча, струился чистый
Изъ подъ каменной горы, —

То мелькая за кустами,
Разливался онъ — то вдругъ
Падалъ звучными струями,
Разсыпаясь какъ жемчугъ.

Съ раннимъ солнцемъ изъ долины,
Тамъ, по каменной горѣ,
Погружать свои кувшины,
Умываться на зорѣ,
Жёны смуглыя, толпами,
Не спѣша, къ потоку шли —
Пѣли гимны — и перстами
Косы длинныя плели.

И зеленые платаны,
Окружа гранитный храмъ,
Гдѣ сидѣли истуканы
Въ тёмныхъ нишахъ по стѣнамъ,
Надъ потокомъ простирали
Листьевъ зыблемый покровъ,
И отъ солнца тѣнь бросали
На задумчивыхъ жрецовъ.

Дѣти солнечнаго края —
Почитатели Вишну,
Тотъ потокъ, потокомъ рай
Величая въ старину,
Разглашали, будто духи
Эту воду стерегли. —
И носились эти слухи
Отъ Калькуты до Бенгли.
Говорили на востокѣ:
Будто въ ночь, когда роса
Станетъ капать — въ томъ потокѣ
Слышны чьи-то голоса;
Что невидимыя руки
Подъ волнами, при звѣздахъ,
Издаютъ глухіе звуки
На невѣдомыхъ струнахъ.
Караванъ ли шёлъ съ товаромъ —
Сто верблюдовъ и слоновъ
Въ роцѣ той паслось недаромъ,
— Близъ священныхъ береговъ.

И недаромъ, изъ окольныхъ
Странъ, въ ту роцу за водой,
Шло такъ много богомольныхъ,
Строгихъ индусовъ толпой.

И съ неутолѣнной жаждой
На запекшихся устахъ,
Изъ числа пришельцевъ каждый,
Чтобъ омыться въ тѣхъ водахъ
Къ нимъ, израненный жестоко,
На коленахъ подползалъ;
И въ святыхъ волнахъ потока
Изцѣленья ожидалъ. —

3

«Страшно, страшно покаянье! —»
Шѣлъ унылый хоръ жрецовъ
«Нужно самоистязанье,
Постъ, молитва, потъ и кровь! —
Жизнь есть вѣчное броженье,
Сонъ роскошный, но пустой.
Вѣчность есть уничтоженье —
Смерть — таинственный покой. —»

Бѣдный смертный, наслаждайся, —
Иль, страдая до конца,
Самъ собой уничтожайся
Въ лонѣ вѣчнаго отца.»

4

И на камнѣ, близъ потока
Чтобъ стоять и ночь, и день,
Вознеслася одиноко
Человѣческая тѣнь....

Вѣрный страшному обѣту,
Для Браммы покинувъ мѣръ,
Тамъ какъ тѣнь, чужая свѣту,
Девять лѣтъ стоялъ факиръ.
Солнце жгло его нагя
Плечи — и, шумя въ травѣ,
Вѣтеръ волосы густые
Шевелилъ на головѣ;

Но рука его не смѣла
Шевельнуться на груди,
Глубоко врѣзая въ тѣло
Ногти длинные свои.

А другая поднимала
Пальцы кверху, и какъ трость,
Протянувшись, высыхала
Кожей стянутая кость.

На него садилась птица.
Говорили про него:
Шла голодная тигрица,
И не тронула его.
И рассказывать любили:
Будто дѣти иногда
Въ скорлупѣ къ нему носили
Сокъ нажатого плода.

Тамъ кричала обезьяна,
И къ лицу его склоняясь,
Колыхала вѣтвь банана,
Длинной лапой уцѣпясь. —
Листья весело шумѣли,
Звучно пѣнился потокъ;
Но глаза его глядѣли,
Не мигая, на востокъ —

Тѣ глаза глядѣли мутно:
Имъ мерещилось вдали
Всѣ что было недоступно
Бѣднымъ странникамъ земли —
Тѣ лазурные чертоги,
Тѣ воздушные холмы,
Гдѣ творя витають боги
Въ лонѣ вѣчнаго Брамь.

Недоступное мелькало;
Всѣ-жъ доступное очамъ
Для него давно пропало:
И гора, и лѣсъ, и храмъ.
И священнаго потока
Волны, — чудилось ему,
Въ нёмъ самомъ кипять глубоко,
Изъ него бегуть къ нему....

5

Передъ праздникомъ Лакшими (*),
Въ полночь, за двѣнадцать дней, —
Той порой, когда златыми
Мирриадами лучей

(*) Или Лакшими — жены Вишну.

Синій мракъ небесъ глубокихъ,
Какъ алмазами горить; —
Той порой, какъ спягъ потоки,
Горы спягъ и роцца спить;

Тихо лунное сіянье
Почивало на горахъ;
Струй незримыхъ лепетанье
Раздавалося въ кустахъ;
Въ роцѣ глухо потемнѣвшей
Слышно было, какъ порой
Отрывался перезрѣвшій
Плодъ отъ вѣтки самъ собой.

Вдругъ, какъ будто самъ Равана (*)
На боговъ подъемля рать,
Въ чѣрныхъ тучахъ урагана,
По горамъ пошѣлъ шагать.
По горамъ пошѣлъ — и съ трескомъ
Камень сбросивши съ вершинъ,
Озарилъ румянымъ блескомъ
Серебро своихъ сѣдинъ.

(*) Одинъ изъ великановъ непріязненныхъ богамъ.

На гнѣздѣ проснулася птица —
Эхо звонко разнеслось; —
И какъ будто колесница
Прокатилась въ сто колѣсъ....
Въ это время берегъ дикій,
На которомъ цѣпенѣлъ
Этотъ праведникъ великій
Содрогнулся и осѣлъ.

6

И страдалецъ добровольный,
Потрясенъ и пораженъ,
Кинулъ взглядъ вокругъ невольный,
На которомъ чудный сонъ
Тяготѣлъ, ему являя
На краю ночныхъ небесъ —
Вѣчный день инаго края —
Вѣчный міръ иныхъ чудесъ.

Вдругъ онъ слышитъ; — голосъ томный
За горою говорить:
«На меня сей часъ огромный
Съ высоты упалъ гранитъ; —

Онъ пресекъ мое стремленье —
Онъ моимъ живымъ струямъ
Далъ другое направленье
По излучистымъ горамъ.

Ты душой стремишься къ Богу —
Я, по каменнымъ плитамъ
Прологалъ себѣ дорогу
Къ свѣтлымъ Гангеса водамъ —
Сжался праведникъ! — отнынѣ
Я ползу, ползу какъ змѣя,
По гнилой болотной тинѣ,
Подъ корнями камышей

Сжался! ты одинъ лишь можешь
Слышать тайный голосъ мой!
Ты одинъ, одинъ сможешь
Сдвинуть камень роковой!..

.....
.....
Позови-жъ своихъ собратій
Позови своихъ сыновъ!...

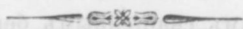
Позови!...» — и голосъ томный
Оборвался, какъ струна; —
И во мракѣ ночи сонной
Вновь настала тишина.

7.

Утра пламень золотистый
Проникалъ изъ-за горы
Въ рощу, гдѣ смолой душистой
Каплетъ сокъ изъ-подъ коры.
Птицы внятно щебетали,
И блестящія листья
Капли жемчуга роняли —
На траву и на плиты.

По дорогѣ шли брамины,
По горѣ толпами шли
Жены, дѣти и кувшины
Руки смуглыя несли.
И потомъ они спускались
Къ тѣмъ священнымъ берегамъ
Гдѣ платаны разрастались
Окружа гранитный храмъ.

Тамъ, въ дверяхъ, жрецы толпились.
Съ дикимъ ужасомъ въ очахъ;
И свѣтильники дымились
Въ ихъ опущенныхъ рукахъ: —
Гдѣ вчера струи журчали —
Гдѣ святой лился потокъ —
Камни ребрами торчали,
Да сырой желтѣлъ песокъ.
А на берегу потока,
Гдѣ такъ свято, ночь и день,
Возносилась одиноко
Человѣческая тѣнь;
Тѣло мертвое лежало
Опрокинутое ницъ, —
И кружась надъ нимъ летала
Съ дикимъ крикомъ стая птицъ.

Вальсъ Hoffnungs-Strahl.

Надежды вальсъ кипитъ, звучитъ —
И замирая занываетъ:
Онъ тихо къ сердцу подступаетъ,
И сердцу громко говорить. —

Среди безчисленныхъ забавъ,
Среди страданій быстротечныхъ —
Какихъ страстей ты хочешь вѣчныхъ,
Какихъ ты хочешь вѣчныхъ правъ?

Напрасныхъ благъ не ожидай!
Живи, кружась подь эти звуки,
И тайныхъ ранъ глухія муки
Подь говоръ бѣловъ усыплай!

Когда-жъ красавица пройдетъ,
Передъ тобой подь мѣской черной,
И руку съ нѣжностью притворной
Много-значительно пожметъ;

Тогда ослѣпи и пылай! —
Лови летучія мгновенья,
И на пустыя увѣренья
Минутнымъ жаромъ отвѣчай!

XXI.

Послѣдній разговоръ.

Соловей поеть въ затиньѣ сада.

Огоньки потухли за прудомъ;

Ночь тиха. — Ты, можетъ быть, не рада,
Что съ тобой остался я вдвоемъ.

Я бѣ и самъ желалъ съ тобой растаться;

Да мнѣ жаль повинуть ту скамью,

Гдѣ мечтамъ ты любишь предаваться

И внимать почному соловью.

Не смущайся! прежнихъ разговоровъ
Отъ меня тебѣ не услышать.
Говориться часто много вздоровъ
Потому что нечего сказать:

И зачѣмъ терять слова напрасно!
Веселѣе соловью внимать: —
Соловей не можетъ такъ ужасно
Заблуждаться и любя страдать.

Но и онъ затихъ во мракѣ ночи;
Улетѣлъ счастливецъ на покой...
Пожелай и мнѣ спокойной ночи
До пріятнаго свиданія съ тобой!

Пожелай мнѣ ночи не замѣтить,
И другимъ очнуться въ небесахъ,
Гдѣ бъ я могъ тебя достойно встрѣтить
Съ соловьиной пѣснью въ устахъ!

Странникъ и море.

Откуда ты? — скажи, съ какою
Ты цѣлью бродишь по горамъ?
Съ какой завѣтною тоскою,
Одинъ межъ небомъ и землею,
Внимаешь ты морскимъ волнамъ?

Гонимъ ли ты надмѣннымъ рокомъ,
И здѣсь въ изгнаніи жестокомъ? —
Иль, вольный гость въ чужѣмъ краю,
Ты кинулъ родину свою —
Влечить тоску надъ этимъ моремъ?
Но съ нимъ дѣлиться буйнымъ горемъ
Какимъ ты станешь языкомъ?

Повѣрь, оно тебя не знаетъ,
Оно тебя не понимаетъ ;
Ему твой голосъ незнакомъ !
Съ твоими гордыми мечтами
Не приходи къ нему роптать ! —
Тебѣ мечтами не догнать
Ни чайки съ рѣзвыми крылами,
Ни корабля подъ парусами !
Пока на долгую борьбу,
Съдымъ волнамъ свою судьбу
Не въ силахъ ты безопасно вѣрить :
Съ унылой блѣдностью лица,
Его пространства безъ конца
Тебѣ очами не измѣрить !
Вгляни, рыбакъ черезъ заливъ
Плыветъ ! — Валы приподнимаютъ
Его челнокъ, и опускаютъ,
Не заплескавъ и не разбивъ ;
А онъ — отваженъ и счастливъ !
Не разъ боролся онъ съ волнами,
Когда внезапно налеталъ
Изъ облаковъ шумящій шквалъ

И поднималъ валы горами ;
Незримый Богъ его спасалъ
Отъ явной гибели.. и что же ?
Устала-ли его рука?..
Его заботъ ужель дороже
Твоя бесплодная тоска ?....

Валы бѣгутъ, валы сверкаютъ —
Послушай, какъ они ласкаютъ
Имъ невнимающій гранитъ,
И хладной пѣной орашаютъ,
Косматый мохъ горючихъ плитъ !
А тамъ, отхлынувъ, тѣже волны,
И холоду, и блеску полны,
Бѣгутъ далеко отъ земли,
Туда — гдѣ ходятъ корабли..
Гдѣ любо имъ — валы тумана
Свивая въ группы облаковъ —
Посерединѣ океана
Играть добычей урагана,
Играть обломками судовъ !

XXIII.

Утро.

Вверхъ, по недоступнымъ
Крутизнамъ встающихъ
Горъ, туманъ восходитъ
Изъ долинъ цвѣтущихъ.

Онъ какъ дымъ уходитъ
Въ небеса родныя,
Въ облака свиваясь
Ярко - золотыя,
И разсѣиваясь.

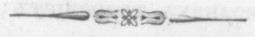
Лучь зари съ лазурью
На волнахъ трепещетъ;
На востокѣ солнце,
Разгораясь, блещетъ.

И сияетъ утро,
Утро молодое.
Ты ли это, небо
Грустное, ночное!

Ни единой тучки
На лазурномъ небѣ!
Ни единой мысли
О насущномъ хлѣбѣ!

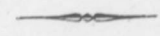
О, въ отвѣтъ природѣ
Улыбнись, отвѣка
Обреченный скорби,
Геній чловѣка!

Улыбнись природѣ!
Вѣрь знаменованью!
Нѣтъ конца стремленью —
Есть конецъ страданью!

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Тѣни.....	3.
Художнику.....	5.
Прощай.....	8.
Развалину башни, жилище орла.....	10.
Нищій.....	12.
Вижу ль я какъ во храмѣ.....	15.
Вы ленты измяты.....	17.
Испугъ.....	19.
Другъ другу чужды мы.....	22.
Историку.....	24.
Маякъ.....	27.
Юноша и вѣкъ.....	29.
Вызовъ.....	34.
Въ бурю надъ моремъ.....	36.
Мраморное сердце.....	39.
Новой сестрѣ.....	42.
Взятіе Мемфиса.....	45.
Факиръ и ключъ.....	49.
Вальсъ Hoffnngs-Strahl.....	61.
Послѣдній разговоръ.....	63.
Странникъ и море.....	65.
Утро.....	68.

1948

53859

ПОГРЪШНОСТИ.

<i>Стр.</i>	<i>Стр.</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Читатъ:</i>
6	3	Въ этой мертвой	Къ этой мертвой
24	4	Откуда стремятся	Откуда стремятся
30	20	Глядитъ сквозь чистое стекло!	Глядѣть сквозь чистое стекло!
32	5	Невыносимъ	Невыносимъ?
38	15	Ужель погибель ихъ	Ужель погибель ихъ
44	3	Но тайный зовъ	На тайный зовъ
64	3	Говорится	Говорится.

цѣна 522

Въ библиотекѣ для продажи и чтенія Золотова и Тотти, Коммисіонеровъ: Императорской Академіи наукъ, Императорской Академіи художествъ, Ришельевскаго Лицея и проч. находятся слѣдующія сочиненія:

Р. К.

ВИДЫ ПОЛЕСТИНЫ , рисованные съ природы академиками И. и Н. Чернецовыми. Спб. 1845 г.....	10 „
ВОСПОМИНАНИЕ С.ЛЪПАГО , путешествіе вокругъ свѣта Жака Араго, украшенное пятьюдесятью картинами, рисованными и литографированными въ Парижѣ, пер. П. А. Корсакова и другихъ, 2 тома. Спб. 1844 года.....	7 „
ЗАПИСКИ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, 1 т. Одесса, 1844.....	3 „
ИСТОРИЯ ГРАФА СУВОРОВА , соч. Н. А. Полеваго. Рисунки И. Коцебу, Жуковскаго, Шевченки; гравированные въ Парижѣ Гр. Andre Best, Le Loire и въ С. Петербургѣ, Г. Дерикера и друг. 1 т. Спб. 1843 года.....	6 „
КАРТИНЫ РУССКОЙ ЖИВОПИСИ , изданіе Н. В. Кукольника. 12 тет. Спб. 1842 года.....	5 50
КОНСТАНТИНОПОЛЬ и ТУРКИ , великолѣпное изданіе съ 96 гравированными на сталь въ Лондонѣ картинами 2 тома, въ 4 долю. Спб. 1843 года.....	15 „
КАРТИНЫ РОССИИ , и бытъ разноплеменныхъ ея народовъ изъ путешествій П. П. Свиньина, 1 т. украшенный искусно гравированными видами. Спб. 1844 года.....	10 „
НАБЗДЫ ГАЙДАМАКЪ , на западную Украину въ XVIII столѣтію, соч. А. Скальковскаго, Одесса 1845.....	1 50
ПАМЯТНИКИ МОСКОВСКОЙ ДРЕВНОСТИ , съ присокупленіемъ очерка монументальной исторіи Москвы, и древнихъ видовъ и плановъ древней столицы Москвы сочиненіе И. Снегирева. Москва 1845 г.	45 „
ПАНТЕОНЪ знаменитыхъ современниковъ послѣдняго столѣтія, заключающій въ себѣ 20 литографированныхъ на китайской бумагѣ отпечатанныхъ портретовъ съ присокупленіемъ біографіи каждаго лица, 1 т. въ 4 долю. Спб. 1834 года.....	3 43
ТАРАНТАСЪ , путевые впечатлѣнія, сочиненіе Гр. Солмогуба, Спб. 1845 года.....	5 „
ШЕЛКОВОДСТВО , руководство къ коконоводству, сочиненіе Н. А. Райко, Одесса 1845 года.....	„ 35
ЭНЕИДА ВИРГИЛІЯ , пер. І. Ш. 4 тет. Одесса 1846 г.....	1 20